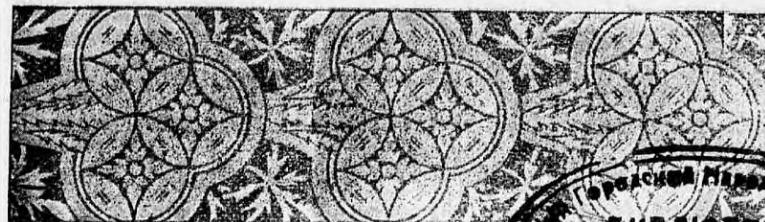


2015169345

СМ  
6511

2306



801-16  
1330



# СЕМЬ СЫНОВЕЙ ВЬЮГИ.

Ингушское предание<sup>1)</sup>.

Это было въ тѣ незапамятныя времена, рассказываютъ старики-ингуши, — когда землю населяли наорты, сотворенные всесильнымъ Тга послѣ того, какъ онъ сотворилъ лучшее украшеніе вселенной — сибирского великана Бешламъ-Кортъ<sup>2)</sup>. Нарты были могущественные и сильные люди-великаны, которыхъ Тга поселилъ у подножія горы, въ узкой долинѣ, по ложбинѣ которой протекала бурная рѣка.

Сначала въ небольшомъ селеніи было немного людей — пара наортовъ, отъ которыхъ впослѣдствіи разошлось по долинѣ и соседнимъ чернымъ горамъ

<sup>1)</sup> Ингуши — народъ чеченского племени, живущій на Кавказѣ, въ Терской области. Они частью христіане, частью магометане, частью язычники. На одномъ изъ языческихъ преданій ингушей основанъ разсказъ, предлагаемый нами читателямъ.

<sup>2)</sup> Казбекъ-гора.

35077-4

многочисленное потомство. И чѣмъ больше проходило времени, тѣмъ больше людей оказывалось на землѣ и тѣмъ больше ауловъ (селеній) появлялось у подножій горъ.

Великаны-богатыри славились неслыханнымъ мужествомъ, храбростью и гордостью; въ особенности отличались этими качествами предки тѣхъ сотворенныхъ всесильнымъ Тга нартовъ, которые поселились у Бешламъ-Корта. Они не признавали сосѣднихъ племенъ, давно уже утерявшихъ съ ними первоначальную связь, и проводили жизнь въ набѣгахъ, грабежахъ и разбояхъ. Въ особенности они были безпощадны къ нартамъ-людоѣдамъ и вели съ ними никогда не прекращавшуюся войну, часто побѣждая ихъ, благодаря своей природной хитрости и уму.

Единственно, кого они еще боялись, это Великаго нарта Тга, ихъ творца и повелителя. Ежедневно приносили они ему у подножія горы въ жертву по одному нарту-людоѣду изъ числа тѣхъ, которыхъ они забирали въ плѣнъ во время своихъ набѣговъ. Когда же случалось, что плѣнныхъ не оказывалось и приносить въ жертву ненасытному Тга было некого, они бросали между собою жребій и закалывали на алтарѣ того, кто вытягивалъ жребій.

Жилось имъ все-таки плохо. Животныхъ на землѣ еще не было, такъ какъ Тга, населивъ нартами подножія Бешламъ-Корта, удержалъ у себя стада бара-

новъ, предоставивъ созданнымъ имъ людямъ питаться, чѣмъ имъ будетъ угодно. Вотъ почему они и питались разными травами и кореньями, отыскываемыми ими въ долинѣ. Ихъ враги, нарты-людоѣды, не довольствовались такой скромной пищей и стали поѣдать другъ друга; но нарты Бешламъ-Корта разсудили, что, если и они послѣдуютъ примѣру своихъ сосѣдей, то вскорѣ весь родъ ихъ долженъ будетъ прекратиться, такъ какъ єсть уже будетъ некого. Однако трава и коренья не могли удовлетворить ихъ вѣчнаго голода, и понемногу они стали роптать на Тга. Въ особенности плохо имъ приходилось зимою, когда начинали дуть холодные вѣтры, растительность вымирала и трава, заготовленная впрокъ, подходила къ концу. Въ эту суровую, зимнюю пору всесильный Тга ревниво пряталъ около себя солнце, чтобы оно сильнѣе грѣло его самого, и окутывалъ его толстыми облаками, чтобы оно не посыпало своего тепла на землю. Словомъ, создавъ людей и населивъ ими землю, онъ пересталъ заботиться о нихъ и предоставилъ ихъ собственной участи, вѣроятно, рѣшивъ заняться созданиемъ какого-нибудь другого, болѣе интереснаго дѣла.

Жилось имъ плохо и оттого, что они должны были ютиться въ пещерахъ и спать на голыхъ камняхъ и не имѣли возможности укрыться отъ непогоды и вѣтровъ. И когда великій Тга, въ припадкѣ

веселья, хохоталъ, сидя на своихъ облакахъ и грѣясь у солнца, какъ у хорошей печки, то отъ его хохота сотрясались горы и каменные обвалы свергались на землю и побивали многое множество людей. А когда онъ вздыхалъ отъ какого-нибудь неудачнаго дѣла, то вздохъ его доходилъ до земли въ видѣ ужаснаго холоднаго вѣтра, отъ которого нарты не знали, куда укрыться, такъ какъ пещеры были открыты съ наружной стороны. Ну, а когда Тга принимался въ припадкѣ злобы плакать, то слезы его падали на землю цѣлыми потоками дождя, и нартамъ опять-таки приходилось плохо. Но хуже всего было тогда, когда Тга принимался ссориться съ женой, со старухой Химехниненъ: тогда поднималась буря, вѣтеръ съ страшными порывами проносился надъ землею, вода въ рекѣ бурлила и выступала изъ береговъ, снѣгъ валилъ хлопьями, и обвалъ за обваломъ сыпался на несчастныя головы нартовъ.

И они начали роптать. Отношения между ними и великимъ Тга совсѣмъ испортились. Они знали, по отдаленному преданію, что онъ живеть въ хижинѣ изъ тростника, спить на толстыхъ мягкихъ облакахъ, Ѣсть досыта барашковъ и грѣется до поту у солнца.

Но роптать не приводилъ ни къ чему: нарты все-таки продолжали зябнуть и голодать, и если со злости придумывали лишить Тга человѣческой жертвы, то

имъ это никогда не проходило даромъ: Тга посыпалъ на нихъ обвалы и выюги, которыя уносили вырванныя съ корнемъ травы, и еще посыпалъ на нихъ моръ, отъ которого нарты умирали и ослабѣвали такъ, что людиѣды ихъ легко побѣждали и побѣдали цѣлыми толпами.

\* \* \*

У самаго подножія Бешламъ-Корта, въ глубокой и обширной пещерѣ жилъ сѣдовласый и длиннобородый нартъ Созруко съ своимъ сыномъ Курюко. Сколько времени жилъ стариkъ на землѣ, онъ не помнилъ, не помнилъ себя и молодымъ, да и всѣ, кто знали его, знали уже старикомъ.

Иногда собирались къ нему въ пещеру другіе нарты, и тогда стариkъ, раскачивая въ тактъ словамъ своей головой, начиналъ имъ разсказывать о величіи Тга, о его жизни и могуществѣ. И всѣ внимали ему благоговѣйно, уставя бороды въ землю и поникнувъ головами. Созруко и самъ не зналъ, что говорилъ; порой его слова походили на бредъ, и тогда всѣ думали, что устами его вѣщаетъ самъ великий Тга.

— Какъ дивны наши родныя горы! восклицалъ, закрывши глаза, Созруко,— какъ дивны онѣ, когда утреннія облака покрываютъ ихъ своей розовой тканью, а восходящее солнце золотить ихъ вер-

хушки своимъ огнемъ... Великъ въ своемъ твореніи Тга!

— Великъ въ своемъ твореніи Тга! повторяли хоромъ присутствующіе.

— Тихо двигаются барашки-облака, продолжалъ Созруко,—по длинной цѣпи горъ, съ любопытствомъ заглядывая въ ущелья и долины, въ пещеры и пропасти. Кое-гдѣ изъ этого стада облаковъ выглядятъ красный утесь, покажется верхушка черной горы. Утренній вѣтерокъ поднимается отъ улыбки Тга, и тогда таютъ бѣлыя облачка. Вершина Бешламъ-Корта розовѣеть отъ счастья увидать улыбку Великаго нарта. Великъ, великъ въ своемъ твореніи Тга!

— Великъ въ своемъ твореніи Тга! опять хоромъ подхватили присутствующіе.

— Бешламъ-Кортъ, продолжалъ старикъ, — верхушкой своей упирается въ самое небо, и голова ся покрыта льдомъ и снѣгомъ, которые никогда не таютъ. И эти льды сверкаютъ на солнцѣ, какъ самонѣвѣтные камни... И гора наша выше всѣхъ горъ на свѣтѣ... Когда Тга творилъ міръ, онъ раньше всего сотворилъ нашу гору, чтобы устроить на вершинѣ ея удобный шатерь изъ тростниковъ, въ которомъ онъ обитаетъ, наблюдая оттуда за созданной имъ землею. Слава великому Тга!

— Слава, слава великому Тга!

Старикъ продолжалъ:

— Были другіе нарты, которые пытались прорваться къ его вершинѣ, и всѣ они погибли, всѣ погибли, даже самые отчаянные смѣльчаки, самые лучшіе воины! Давно это было... очень давно... когда я былъ еще юношей... не упомню. Страшенъ въ гнѣвѣ своемъ великій Тга!

— Страшенъ въ гнѣвѣ своемъ великій Тга! повторили слушатели, послѣ чего всѣ погрузились въ благоговѣйное безмолвіе.

Только одинъ изъ нартовъ, молодой Курюко, внималъ рѣчамъ своего отца съ насмѣшливой улыбкой и дерзкимъ сомнѣніемъ. Давно уже сердился онъ на великаго Тга и не могъ простить ему его равнодушія къ созданнымъ имъ самимъ нартамъ. Онъ, какъ и всѣ, терпѣлъ отъ голода и непогоды, но въ то время, какъ всѣ молчали, онъ громко ропталъ и проклиналъ свою участь. У него было доброе сердце, и ему жаль было этихъ сильныхъ, но беспомощныхъ людей-великановъ, лишенныхъ самаго необходимаго на землѣ. Онъ понялъ, что, если бы Тга, сотворивъ ихъ, далъ имъ стада барановъ и тростникъ, то они жили бы счастливо, занимаясь скотоводствомъ; люди-нарты прекратили бы свое гнусное ремесло, потому что имъ не къ чему было бы питаться людьми, и всѣ набѣги, разбои, распри и ссоры прекратились бы на землѣ. Да и вместо умилостивительныхъ жертвъ людьми можно было бы приносить въ жертву барановъ.

И вотъ Курюко вздумалъ перехитрить великаго Тга и доставить людямъ счастье.

Но онъ долго откладывалъ исполненіе задуманнаго имъ плана, долго не рѣшался на него. Онъ думалъ жертвоприношеніями и мольбами умилостивить великаго Тга. Но Тга оставался глухъ къ его мольбамъ, потому что жилъ въ теплѣ и сытости; а еще въ тѣ времена было извѣстно, что сытость служить помѣхой къ пониманію голоды.

Однажды, послѣ словословія Созруко, сынъ его отправился въ пещеру и закололъ въ ней плѣннаго нарта-людоѣда. Затѣмъ онъ взвалилъ его на костеръ и, зажегши подъ нимъ сухie корни низкорослыхъ деревьевъ, принесъ людоѣда въ жертву Тга.

Курюко горячо молился во время этого жертвоприношенія. Такъ горячо молился, какъ никогда. Онъ тутъ же растянулся на голомъ камнѣ въ пещерѣ, заснувъ глубокимъ сномъ. На утро, проснувшись, онъ думалъ найти у входа въ свою пещеру стадо барановъ; но ничего подобнаго не нашелъ. Тогда онъ отправился къ рѣкѣ, разсчитывая увидѣть на ея берегахъ лѣсь тростниковъ. Но и этого не было.

Курюко страшно разгневался. Онъ зналъ, что нартъ-людоѣдъ былъ послѣднимъ въ ихъ пещерномъ аулѣ и что, слѣдовательно, сегодня необходимость заставить принести въ жертву кого-нибудь изъ своихъ. А онъ надѣялся, что этого не

придется дѣлать, что молитва его будетъ, наконецъ, услышана всесильнымъ Тга.

Тогда онъ возвратился. Онъ почувствовалъ въ себѣ необычайную силу и великое мужество. Если бы ему предстояло теперь сражаться въ рукопашную съ самимъ Тга, онъ и этого не испугался бы.

Вечеромъ, когда нарты собрались къ пещерѣ Созруко, чтобы бросить жребій, кому изъ нихъ надлежитъ быть заколотымъ и сожженнымъ, Курюко обратился къ нимъ съ торжественной рѣчью:

— Братья нарты! сказалъ онъ имъ. — Великій Тга, о которомъ такъ много говорить всегда мой отецъ Созруко, забылъ насъ. Мы голодаемъ и бѣдствуемъ и принуждены убивать другъ друга, чтобы удовлетворить ненасытнаго Тга. У него стада барановъ, у него хижина изъ тростника. Развѣ не могъ бы онъ бросить къ намъ пару барановъ и нѣсколько стеблей тростника? Мы бы сумѣли расплодить барановъ и развести тростникъ. Мы бы тогда жили счастливо. Вражда, убийство и распри прекратились бы между нами... И мы приносili бы ему въ жертву барановъ, а не нартовъ. Но Тга слѣпъ и глухъ. Онъ не видѣть нашихъ невзгодъ и не слышитъ нашихъ горячихъ моленій...

Въ это время раздался сильный глухой ударъ грома, и у самой пещеры Созруко упалъ обвалъ, который чуть-чуть не раздавилъ смѣлаго Курюко.



Курюко разразился проклятиемъ и вб-время отскочилъ въ сторону.

Изъ пещеры вышелъ старый Созруко и, воздѣвъ руки къ небу, заговорилъ:

— Привѣтствую васъ, собравшіеся здѣсь нарты! Сегодня мы не приносили жертвы великому Тга, и онъ справедливо гнѣвается на насть. Вернулись ли наши воины?

— Да! отвѣтилъ ему кто-то.

— Привели ли они нарта-людоѣда?

— Нѣть! послышался отвѣтъ.

— Тогда приступимъ къ метанію жребія. Кто-нибудь изъ насть долженъ быть принесенъ въ жертву. Вы слышите, какъ гремитъ громъ, какъ дрожать горы? Великій Тга гнѣвается, что мы забыли о немъ.

— А онъ не забылъ о насть? воскликнулъ Курюко. Старикъ укоризненно посмотрѣлъ на сына.

— Молчи! строго сказалъ онъ,— не призываи на насть страшнаго гнѣва Великаго нарта!

— Я не боюсь его.

— Смотри, онъ первого накажетъ тебя.

Курюко дерзко улыбнулся, но промолчалъ.

Тогда начали бросать жребій.

Нарты усѣлись широкимъ кругомъ около отверстія пещеры старика, а одинъ изъ нихъ взобрался на скалу, выдававшуюся въ видѣ навѣса надъ входомъ въ пещеру. Тамъ онъ обернулся спи-

ной къ нартамъ и бросилъ черезъ плечо камень внизъ.

Камень упалъ какъ разъ у ногъ Курюко.

— Курюко намѣченъ! сказалъ старикъ-нартъ съ глубокой печалью.— Я говорилъ тебѣ, что Тга накажетъ тебя! Прощай, сынъ мой! Никогда, никогда уже больше не увидятъ тебя глаза мои и уши мои не услышатъ твоего голоса. Да будетъ славно имя великаго Тга!

— Да будетъ славно имя великаго Тга! повторили нарты.

Громъ пересталъ гремѣть, и небо сдѣлалось яснымъ. Жертва была угодна Тга.

— Теперь ступайте готовить костеръ! сказалъ Созруко и въ великой печали удалился въ пещеру.

— Я пойду принесу старыхъ сухихъ кореньевъ для своего костра, сказалъ смиреннымъ голосомъ Курюко,— у меня ихъ много въ пещерѣ.

И прежде, чѣмъ ему успѣли отвѣтить, онъ исчезъ изъ виду.

\* \* \*

Курюко спустился къ рѣкѣ и скрылся въ пещерѣ, ему одному извѣстной. Онъ боялся преслѣдованія и погони. Онъ досидѣлъ въ укромномъ мѣстечкѣ до глубокой ночи.

— А! злобно шепталъ онъ.— Ты избралъ меня своей жертвой!.. Ты хотѣлъ, чтобы эти трусливые

передъ твоимъ могуществомъ глупцы сожгли меня въ угоду тебѣ!.. Меня, единственного между ними, который осмѣлился роптать на тебя! И что же ты хотѣлъ показать этимъ? Только одно: ты боишься меня! Боишься, и потому хочешь уничтожить! Берегись! Я не боюсь тебя, и я вступлю съ тобой въ борьбу!

Онъ услышалъ невдалекъ отъ своего убѣжища голоса. Это нарты искали его. Они удивлялись его побѣгу. Никто еще никогда, съ тѣхъ поръ, какъ существовали нарты, не уклонялся отъ жребія быть принесеннымъ въ жертву Тга. Поэтому они повѣрили ему, когда онъ заявилъ, что идетъ за корнями, и отпустили его.

Онъ долго просидѣлъ еще въ своемъ убѣжищѣ, пока все вокругъ не успокоилось и пещерный аулъ не уснулъ мертвымъ сномъ.

Небо заволокло тучами. Собиралась гроза. Великій Тга готовился наказать непокорныхъ нартовъ. Вѣтеръ свистѣлъ и гудѣлъ съ такой силой, что камни съ шумомъ отрывались отъ горъ и скатывались въ долину. Небо было почти черное. Рѣка бушевала, бурлила, клокотала. Даже Курюко почувствовалъ что-то въ родѣ страха въ своей душѣ. Но онъ быстро оправился и вышелъ изъ своего убѣжища.

\* \* \*

Узкое ущелье расширялось по мѣрѣ того, какъ Курюко приближался къ подножію горы, и вмѣстѣ съ тѣмъ долина рѣки поднималась все выше и выше, подходя къ самымъ отрогамъ величественной вершины, покрытой вѣчными снѣгами и льдами, какъ серебряной ризой.

Курюко сталъ подниматься въ гору. Онъ взглянуль внизъ, въ долину. Угрюмо и непривѣтливо было внизу; по голымъ скаламъ ползла жалкая, чахлая и низкорослая растительность: верескъ, колючка и сѣрые мхи. Рѣка глубоко, на днѣ долины, все еще бурлила и клокотала, роясь по каменистому дну.

Но еще угрюмѣе и непривѣтливѣе было тамъ, наверху, гдѣ растительности почти не было, гдѣ скалы были обнажены даже отъ мховъ и гдѣ начинились унылые, безнадежные снѣговые поля и вѣчные льды. И все вокругъ было мертвое и уныло, безмолвно и дико, и черные скалы, торчавшія изъ подъ бѣлаго снѣга, казалось, тосковали о чемъ-то.

Курюко поднимался все выше и выше.

Ноги его были уже изранены обѣ острые камни, но жажда мести все еще поддерживала его, и онъ не замѣчалъ усталости. Бодро шагалъ онъ, карабкаясь по скаламъ, цѣпляясь руками за острые выступы ихъ и изранивъ себѣ, кроме ногъ, еще и руки.

Когда онъ добрался до вѣчныхъ снѣговъ, онъ остановился въ изумлении. На остромъ выступѣ

скалы онъ увидалъ хищную лунь серебристую, которая ворочала своими желтыми глазами и тупо созерцала окрестность. Надъ головой Курюко пролетѣлъ огромный орелъ, шумно взмахивая крыльями. Молодой нартъ никогда не видалъ такихъ птицъ, и ему подумалось, ужъ не дошелъ ли онъ до жилья Тга, и не эти ли странныя существа именно тѣ бараны, о которыхъ онъ такъ давно мечталъ и похитить которыхъ онъ такъ смѣло собрался.

Но орелъ пролетѣлъ, и серебристая лунь скрылась изъ его глазъ.

Тогда онъ вспомнилъ, что старые люди рассказывали ему, когда онъ былъ еще мальчикомъ, въ его родномъ пещерномъ аулѣ.

Они говорили, что, кромѣ нихъ, обыкновенныхъ людей-нартовъ, великий Тга создалъ еще необыкновенныхъ одноглазыхъ великановъ и поселилъ ихъ между собою и людьми. Тга, очевидно, по ошибкѣ создалъ ихъ слишкомъ сильными и слегка побаивался ихъ. Но когда создалъ, то было уже поздно, и онъ поспѣшилъ отдать въ ихъ пользованіе нѣсколько животныхъ изъ своихъ многочисленныхъ стадъ. Чтобы поправить свою ошибку, онъ сотворилъ обыкновенныхъ нартовъ и въ отместку за свою оплошность, а также изъ жадности лишилъ ихъ всего и предоставилъ своей судьбѣ, требуя отъ нихъ однакоже непосильныхъ жертвъ.

Въ скалахъ, между вѣчными снѣгами и дномъ долины, пріотилось нѣсколько ауловъ одноглазыхъ нартовъ. Сакли ихъ, съ плоскими крышами, покрытыми землею и каменьями, прилѣпились къ самымъ скаламъ. Издали невозможно было разобрать, селеніе ли это, пріютившееся въ черныхъ горахъ, или просто груда камней, сложенныхъ здѣсь великканами для какихъ-нибудь построекъ. Только синій дымокъ надъ крайней саклей свидѣтельствовалъ о присутствії здѣсь живыхъ людей.

Курюко съ удивленіемъ оглядывалъ мѣстность. Онъ не подозрѣвалъ, что, кромѣ нижнихъ нартовъ, существуютъ еще на свѣтѣ нарты верхніе, которые ближе къ Тга, чѣмъ сородичи Курюко.

У порога одной сакли онъ увидалъ одноглазаго нарта, растянувшагося на землѣ и крѣпко спящаго, такъ какъ его единственный глазъ былъ закрытъ. Нартъ своимъ грузнымъ, огромнымъ тѣломъ загородилъ ему дорогу, и Курюко долженъ былъ перешагнуть черезъ него, чтобы получить возможность итти дальше.

Нартъ полуоткрылъ глазъ и взглянулъ на него.

Было уже темно, но луна показалась на темномъ сводѣ неба и освѣщала мѣстность своимъ блѣднымъ свѣтомъ.

— Кто ты? спросилъ юношу одноглазый нартъ.

— Я нартъ изъ долины, смѣло отвѣтилъ Курюко.

— Что ты пришел здѣсь дѣлать?  
— Я иду къ великому Тга.  
— Зачѣмъ?  
— Это ужъ мое дѣло.  
— А твое, такъ ступай и не мѣшай мнѣ спать!  
Я сегодня охотился за ланью и усталъ!

«У васъ есть, за кѣмъ охотиться, подумалъ Курюко съ завистью,— а у насъ, кромѣ травы да кореньевъ, ничего нѣтъ». Но громко онъ не сказалъ этого, а только спросилъ:

— А гдѣ живетъ Тга? Укажи мнѣ дорогу.

— Не мѣшай мнѣ спать! проревѣлъ великанъ.— Иди все прямо. Вонъ тамъ, впереди, бѣльеть ледяное поле... Тамъ живутъ семь сыновей Великаго нарта, семь юношей. Они тебѣ укажутъ дорогу... А если ты сейчасъ не уйдешь, я тебя сброшу внизъ, туда, откуда ты явился!

Курюко поспѣшилъ удалиться.

\* \* \*

Дѣйствительно, вскорѣ онъ достигъ царства семи сыновей Тга.

Темно и холодно было въ этомъ царствѣ. Безко-  
нечные поля, покрытыя белаго снѣга, рас-  
кинулись далеко вокругъ. Сѣрые туманы, гдѣ сплошь,

гдѣ обрывками, заволакивали небосклонъ. Стонали вѣтры, буруны и мятели, и вихри неслись по безплоднымъ полямъ; визгъ и вой ихъ леденилъ душу отважнаго нарта. Черныя скалы, какъ необитаемые островки, мрачно и одиноко торчали тамъ и сямъ, придавая савану пустыни еще болѣе унылый, еще болѣе тоскливыи видъ.

Печаль царила въ этихъ суровыхъ снѣжныхъ поляхъ. Ни одного живого существа вокругъ.

Курюко все шелъ впередъ, не замѣчая того, какъ ноги его леденѣли отъ холода, не чувствуя ни усталости, ни желанія отдыха и покоя. Онъ былъ полонъ одной мечтой,— добраться до цѣли предпринятаго имъ путешествія. Жажда мести не только не утихала въ немъ, а разгоралась все больше и больше.

И чѣмъ дальше онъ уходилъ отъ своихъ родныхъ мѣстъ, тѣмъ больше росло въ немъ чувство жалости къ тѣмъ своимъ обездоленнымъ сородичамъ, которые, ради алчности и злобы великаго Тга, обречены были на вѣчный голодъ.

Но что это?..

Передъ нимъ одна за одной на снѣжныхъ поляхъ выросли семь огромныхъ тѣней, которые закрыли собою полнеба.

Они взялись за руки и заперли путь Курюко.

— Кто вы? — спросилъ онъ.

И вдругъ один изъ синихъ тѣней засвисталъ

семь сыновей мати.

Образованія

И. А. П. Шанявскаго

ураганъ, вздымая съ полей снѣжную пыль и засыпая юношиа Курюко.

Это тѣни-великаны смѣялись, и смѣхъ ихъ производилъ эту снѣжную мятель.

— Онъ спрашивается, кто мы?! услышалъ юноша ихъ голоса, показавшися ему ревомъ бури. — Ты кто? Скажи намъ, кто ты?

— Я нартъ... нижній нартъ... Курюко! силился онъ перекричать свистъ и вой бури. Онъ вдругъ пришелъ въ ярость и крикнулъ, что было силь, тѣнямъ: — Если вы хотите слышать, кто я, не дѣлайте такого проклятаго вѣтра! Пусть говорить кто-нибудь одинъ изъ васъ.

Тѣни разслышали, наконецъ, его голосъ и замолчали. Буря разомъ стихла.

Одинъ изъ нихъ, сдѣлавъ другимъ знакъ молчать, заговорилъ съ Курюко. Тогда онъ почувствовалъ, какъ холодный, но не очень сильный вѣтеръ сталъ обдувать его.

— Ты нартъ изъ долины? говорилъ голосъ. — Какъ же ты попалъ въ наше снѣжное царство?

— Такъ вотъ, попалъ...

— Сюда не забирался еще ни одинъ человѣкъ! говорила тѣнь.

— А я вотъ забрался.

— Зачѣмъ же ты пришелъ къ намъ?

— Я не къ вамъ вовсе пришелъ. Я васъ не знаю, кто вы...

— Мы сыновья великаго Тга.

— Вотъ къ нему-то я и пробираюсь. Укажите мнѣ дорогу: гдѣ онъ живеть?

И вдругъ опять поднялся великий снѣжный вихрь. Всѣ семеро принялись ходить.

— Указать тебѣ дорогу? проговорилъ, находившись, тотъ же великанъ, который говорилъ съ нимъ раньше.—Хитрую вещь задумалъ ты, бѣдный нартъ! Ты хочешь знать, гдѣ живеть великий Тга?

— Ну да!

— Надъ этими полями, выше высокихъ утесовъ и горъ, выше ходящихъ тумановъ, царить старый духъ, могущественный Тга. Его страшнымъ именемъ названы и горы и долины по всей окрестной мѣстности. Лица его никто никогда не видѣлъ. Но видѣть его страшенъ и мраченъ, какъ говорить наша мать Химехниненъ, царица здѣшнихъ мѣстъ и мать здѣшнихъ выногъ. Грива у него косматая, взоры — какъ молніи. И не миновать тому лютой смерти, кто осмѣлился бы взглянуть ему въ очи. А ты хочешь идти къ нему!.. Онъ живеть одинокимъ, угрюмымъ отшельникомъ. Зачѣмъ ты хочешь идти къ грозному Тга, бѣдный нартъ?

— Я хочу похитить у него пару барановъ и тростникъ.

Эти слова были такъ неожиданы и дерзки, что сыновья Тга уже не смѣялись.

— Тише! сказалъ тотъ великанъ, который говорилъ съ Курюко все время. — Онъ можетъ тебя услышать.

— Онъ спитъ теперь, проговорилъ другой, — а когда онъ спитъ, то ничего не слышитъ. Зачѣмъ тебѣ его бараны и тростникъ?

— Онъ создалъ насъ, бѣдныхъ нартовъ, отвѣтилъ Курюко, — и населилъ нами землю. Но онъ лишилъ насъ пищи и крова. Часть изъ насъ питается кореньями и травами, а другая часть пожираетъ другъ друга. Я хочу водворить миръ и довольство на землѣ.

— Великій Тга вѣщаѣтъ намъ сегодня сквозь вихрь бурь, что онъ прогнѣвался на нѣкоторыхъ нартовъ и что завтра, когда онъ высится, нашлетъ на васъ страшный моръ.

— За что?

— За то, что вы не принесли ему сегодня обычной жертвы и онъ не могъ обонять дыма этой жертвы. Отчего вы лишили его обычной дани?

— Это меня должны были принести въ жертву. Но я скрылся и вотъ пришелъ сюда. Но... отчего вы не живете вмѣстѣ съ отцомъ и бродите по этимъ унылымъ полямъ?

— Тга прогналъ насъ съ вершины вмѣстѣ съ

нашей матерью Химехниненъ и опредѣлилъ намъ это царство льдовъ и снѣговъ, гдѣ почти никогда не видать солнца, тогда какъ тамъ, на вершинѣ, въ царствѣ великаго Тга, оно сияетъ какъ огромный костеръ и согрѣваетъ его.

— За что же онъ прогналъ васъ?

— За то, что мы очень легкомыслены. Мы носились по вершинѣ съ одного конца на другой, рѣзвились, смѣялись и хохотали... Это мѣшало ему. Каждое наше движеніе производило вѣтеръ, который леденилъ отца, и каждый нашъ смѣхъ вызывалъ снѣжную бурю... Вотъ онъ и прогналъ насъ сюда и отоспалъ отъ себя Химехниненъ, мать вьюгъ. Мы все недовольны имъ такъ же, какъ и ты!

— Значитъ, вы мнѣ поможете похитить тростникъ и барановъ?

Семеро сыновей Тга стали совѣтоваться между собою, и Курюко слышалъ легкое дуновеніе вѣтерка.

Потомъ все тотъ же великанъ обратился къ нему:

— Хорошо, сказалъ онъ съ обычнымъ своимъ легкомысліемъ, — мы согласны. Только, что дашь ты намъ за это?

Курюко долго думалъ, но ничего придумать не могъ.

— Что у васъ есть на землѣ?

— Есть трава, корни низкорослыхъ деревъ и камни.

— Намъ ничего этого не нужно.

— Есть у насъ скалы и рѣка.

— И это намъ не подходитъ.

— Есть еще огонь.

— Это нашъ природный врагъ. Отъ него мы растаемъ и погибнемъ.

— Есть болѣзни и смерть.

— Болѣзни и смерть? повторилъ великанъ.—Это что же такое?

И когда Курюко объяснилъ ему, онъ сказалъ:

— Ну, это еще хуже огня! Отъ смерти вѣдь тоже погибаютъ, какъ и отъ огня? Нѣтъ, это намъ не подходитъ.

— Больше у насъ ничего нѣтъ.

— Ну, такъ мы и не можемъ доставить тебѣ барановъ и тростникъ.

Курюко повѣсили голову и задумался.

— Стойте! крикнулъ онъ, что было у него силъ.— Есть еще!

— Что же? Такое же все негодное, какъ то, что ты намъ назвалъ?

— Не знаю. У насъ есть еще молодыя дѣвушки-нартки.

— А! радостно вскрикнулъ великанъ.—Это такие люди безъ усовъ и бороды? Я видѣлъ одну такую, когда спускался однажды до границы нашего царства. Она мнѣ очень понравилась.

— Ты, вѣрно, видѣлъ одноглазыхъ дѣвушекъ... У насъ онѣ лучше. У нихъ по два глаза.

— И ты подаришь намъ по такой дѣвушкѣ?

— Да.

Великаны опять пошептались между собою.

— Ну, сказалъ опять тотъ, который все время говорилъ съ Курюко,—мы согласны! Идемъ же, пока старики спятъ. Слѣдуй за нами.

Они пошли впередъ, взметая за собою тучи снѣжной пыли. Курюко послѣдовалъ за ними. Снѣгъ слѣпилъ ему глаза, забирался въ рукава, леденилъ его. Зубы-его стучали другъ о дружку, и холодъ захватывалъ его дыханіе.

\* \* \*

Но онъ все шелъ, еле поспѣвая за легкомысленными братьями.

Шли они долго, такъ долго, что Курюко не могъ уже сообразить времени.

И вотъ, наконецъ, ледяные поля кончились. Взору Курюко открылась дивная картина. На самой верхушкѣ горы, обнаженной отъ льда и снѣга, стоялъ тронъ, окутанный облаками. Сверху, съ голубого неба сіяло горячее солнце, очевидно, никогда не заходившее; а по глубокимъ полямъ неба гуляли стада бѣлыхъ и сѣрыхъ барашковъ, и ихъ было такъ много, что у Курюко не хватило умѣнья сосчитать ихъ и закружилась голова оттого, что онъ все время держалъ ее поднятою кверху. Вокругъ трона

росли цѣлые лѣса великолѣпнаго тростника, а не-подалеку отъ трона виднѣлась тростниковая хижина, изъ отверстія плоской крыши которой взвивался къ небу синій дымокъ и пахло такъ вкусно жаренымъ мясомъ, что Курюко почувствовалъ страшный голодъ.

Семь великановъ остановились. Они сдѣлались теперь меньше и шатались отъ слабости, какъ настоящія тѣни.

— Смотри, прошепталъ одинъ изъ нихъ, и Курюко еле разслышалъ его голосъ,—вонъ сидитъ Тга, закрытый туманами и закутанный бѣлымъ саваномъ. Онъ тихо дремлетъ, тоскуя въ своемъ одиночествѣ. А тамъ, въ хижинѣ, ему готовится пища.

— А какъ же достать барашковъ? спросилъ нетерпѣливо Курюко.—А какъ же вырвать тростникъ?

— Тростникъ около тебя. Если у тебя хватить силы, вырви его. Мы не можемъ этого сдѣлать: мы очень слабы. Солнце нашъ лютый врагъ. Если мы еще долго пробудемъ здѣсь, то вовсе растаемъ. Спѣши, чтобы намъ можно было уйти!

Курюко торопливо вырвалъ съ корнемъ тростникъ, раскачалъ его надъ головою и бросилъ внизъ на землю.

Въ это время барашки низко спустились съ неба и бѣжали по самой верхушкѣ горы.

Два барашка точно играли другъ съ другомъ, перегоняя одинъ другого.

— Лови! слабѣющімъ голосомъ сказалъ одинъ изъ семерыхъ сыновей Тга.

Курюко разставилъ свои руки и поймалъ обоихъ барашковъ. Сначала они казались ему легкими и мягкими какъ облачко, но потомъ онъ ощутилъ подъ ихъ завитой, блестящей и шелковистой шерстью мясо и кости. Да, да, это были настоящіе, живые барашки!

Онъ взялъ по одному въ каждую руку, сильно раскачалъ ихъ надъ головою и бросилъ внизъ, въ свой родной аулъ.

— Они убоятся! съ горестью сказалъ онъ, и сыновья Тга стали изо всей мочи дуть, чтобы поддержать барашковъ и не дать имъ разбиться о землю. Но дыханіе ослабѣвало все больше и больше у семи молодцовъ. Тѣмъ не менѣе барашки закружились въ воздухѣ и плавно стали опускаться на землю.

\* \* \*

Но тутъ произошло нѣчто ужасное.

Старый Тга проснулся. Облака вокругъ трона разсѣялись, и Великій нартъ выглянуль изъ нихъ. Лицо его было такъ страшно, что Курюко упалъ ницъ и пересталъ дышать. Ему показалось, что онъ умеръ.

И вдругъ поднялся страшный ураганъ; небо сразу потемнѣло, солнце померкло,—его заволокли густыя тучи; цѣлые груды обломковъ камней и скаль стали

срываться съ окрестныхъ вершинъ. Въ сознаніи Курюко промелькнула мысль, что теперь засыпаны каменными завалами пути и селенія на его родинѣ.

Гора дрожала такъ, что Курюко качало изъ стороны въ сторону.

Тга нагнулся надъ выступомъ скалы; тучи и туманы разсѣялись, и онъ увидѣлъ внизу, на землѣ, стволъ тростника, воткнутый въ землю, и двухъ барашковъ, пасущихся на полянкѣ.

Тогда гнѣву его, казалось, не было предѣловъ.

— Обокрали! закричалъ онъ, и все вокругъ задрожало отъ ужаса. — Теперь будешь расти тростникъ на землѣ и будутъ на ней плодиться барашки. И наорты сравняются со мной и не будутъ мнѣ больше приносить умилостивительныхъ жертвъ, — они забудутъ меня! Страшная кара, неслыханная кара ждетъ дерзкихъ похитителей! Слушайте судъ великаго Тга!

Онъ кричалъ еще долго, и семь сыновей его становились все слабѣе, слабѣе и меныше, а Курюко все еще бросало изъ стороны въ сторону, и онъ все еще не могъ отдѣлаться отъ дрожи.

\* \* \*

Наконецъ, Тга громко крикнулъ:

— Приди, сюда, Химехниненъ, коварная жена моя, родившая мнѣ семь измѣнниковъ-сыновей!

И тотчасъ же послѣ этихъ словъ что-то пронеслось

по воздуху, и выюга сдѣлалась такою, что Курюко показалось, будто наступаетъ конецъ міра.

— Слушай судъ великаго Тга! повторилъ громовымъ голосомъ Великій нартъ и смирилъ выюгу.

Мать выюгъ трепетно склонилась передъ страшнымъ властителемъ горы.

— Отнынѣ дерзкій нартъ, осмѣлившійся похитить у меня барашковъ и тростникъ, будетъ прикованъ въ царствѣ одноглазыхъ великановъ, въ пещерѣ. Онъ будетъ до тѣхъ поръ прикованъ къ скалѣ, пока у людей не переведутся барашки и не изсохнетъ весь тростникъ. И никогда у людей не переведутся барашки и не изсохнетъ тростникъ. И всегда, на вѣки вѣковъ дерзкій нартъ будетъ томиться въ пещерѣ. Горный орелъ будетъ ежедневно прилетать къ нему и терзать клювомъ своимъ его сердце. А ты, мать выюгъ, царица Химехниненъ, будешь сторожить его. У тебя будетъ горѣть на снѣгу неугасимый огонь. Будетъ у тебя и неистощимый хлѣбъ и неистощимая нога барашка. И послѣ каждой твоей трапезы хлѣбъ и барашекъ окажутся на томъ же мѣстѣ. Ты начертишь вокругъ пещеры волшебный кругъ, котораго нельзя будетъ перешагнуть ни одному смертному. Каждый смѣльчакъ, который покусится на это, будетъ сброшенъ твоимъ дуновенiemъ въ пропасть, и ты его завалишь ледянымъ обваломъ, мать выюгъ! Вотъ тебѣ наказаніе за то, что ты родила мнѣ семь

легкомысленныхъ измѣнниковъ. Такъ говорить и судить великій Тга!

Мать вьюгъ вздохнула, и Курюко былъ унесенъ вихремъ въ пещеру.

Тогда Тга вѣщалъ своимъ сыновьямъ:

— Васъ, легкомысленные сыновья, я буду судить строгимъ судомъ. Дерзкій нартъ, похитившій мое добро, думаль о земномъ и хотѣль осчастливить своихъ родичей,— за то онъ будетъ прикованъ къ землѣ, къ твердой скалѣ, на вѣчныя времена. Небо, въ которомъ вы рождены, наскучило вамъ,—я прикую васъ къ небу навѣки вѣковъ. Вы будете украшать собою темное небо, всѣ семь, неразлучно, чтобы вамъ не было скучно... Вы будете блистать звѣздами и съ недосягаемыхъ высотъ смотрѣть на эту жалкую землю!... И назовутъ васъ люди созвѣздіемъ Дардза-Куангиджъ (Вьюгины Сыновья)...<sup>1)</sup>.

И сказавъ это, онъ повелѣлъ богинѣ вьюгъ, старухѣ Химехниненъ, вызвать великую бурю. Всѣ семь сыновей ея были подняты на воздухъ, и по мѣрѣ того, какъ они удалились отъ земли, они становились все меньше и меньше и казались уже свѣтлыми звѣздочками.

Буря давно уже стихла, и все пришло въ обычный порядокъ на вершинѣ Бешламъ-Корта.

\* \* \*

<sup>1)</sup> Такъ ингуши называютъ созвѣздіе Большой Медвѣдицы.

Многое множество вѣковъ прошло послѣ того, какъ нартъ Курюко похитилъ у Великаго Тга тростникъ и барашковъ и былъ за это прикованъ къ острой скалѣ.

Многое множество разъ сминалась зима лѣтомъ и осень весною. Много на землѣ развелось барашковъ и тростнику. И люди стали жить въ полномъ довольствіи, сытости и привольѣ. И всѣ съ глубокой благодарностью вспоминаютъ до сихъ поръ отважнаго нарта и изъ поколѣнія въ поколѣніе передаютъ повѣсть объ его подвигѣ и гибели.

А только Курюко и до сихъ поръ еще прикованъ къ угрюмой скалѣ Бешламъ-Корта, и до сихъ поръ ежегодно прилетаетъ къ нему горный орелъ и терзаетъ его великодушное, храбре сердце. И до сихъ поръ сторожить его старуха Химехниненъ и єсть передъ его утомленными глазами неистощимый хлѣбъ и неистощимую баранью ногу. А ему, похитившему барановъ, такъ и не удалось попробовать этой вкусной пищи. Старуха, озлобленная на него за наказаніе, которое ей приходится нести изъ-за него, и за потерю своихъ сыновей, кормить его сухими кореньями и поить снѣжной водой.

По ночамъ мать вьюгъ глядить на далекое небо, съ котораго свѣтятъ ей семь звѣздъ, которыхъ были когда-то ей сыновьями, и горько плачетъ объ ихъ неволѣ.

Иногда она выходитъ изъ себя, неистовствуетъ, бранится и бьеть безпомощнаго нарта. И тогда сыплются на людей завалы, грозно воетъ въ долинѣ буря, огромными густыми хлопьями падаетъ снѣгъ. Но все это очень рѣдко приносить людямъ несчастье. Они грѣются въ такіе дни въ своихъ тростниковыхъ домикахъ у огня очага и ёдятъ вкусныхъ барашковъ. Развѣ путникъ какой не успѣть вѣ-время укрыться отъ непогоды и дѣлается жертвой злой старухи.

Много дерзкихъ людей за эти минувшіе вѣка пытались пробраться за волшебную черту Бешламъ-Корта, охраняемую богинею выногъ. Но всѣ они, испуганные пѣтушинымъ крикомъ, которымъ ихъ пугала старуха, бѣжали назадъ, если какимъ-нибудь чудомъ спасались отъ погибели. И тогда люди пришли, наконецъ, къ убѣжденію, что нужно смириться, тѣмъ болѣе, что нарты изъ поколѣнія въ поколѣніе дѣлались мельче и слабѣе, пока не выродились въ обыкновенныхъ людей. И эти обыкновенные люди признали власть Химехниненъ и поставили ей въ Девдоракскомъ ущельѣ жертвенникъ, на которомъ и приносятъ ей умилостивительныя жертвы.

\* \* \*

Но Курюко все еще прикованъ къ скалѣ. Онъ обросъ волосами и бородой, и сдѣлались они бѣлыми, какъ тѣ снѣжныя поляны, которыя его окружали.

Толстая цѣль удерживаетъ его за шею у скалы; ногти его отросли въ видѣ могучихъ корней и слились съ кряжами горы; глаза его горятъ какъ каленые угли. Жажды мучить его: старуха рѣдко-рѣдко, въ особенно добрыя минуты, даетъ ему талаго снѣга, который не утоляетъ жажды, а только раздражаетъ ее. И онъ кричитъ отъ этой мучительной жажды. Близъ него журчитъ горный ключъ, съ прозрачной какъ кристаллъ водою. Но только что несчастный нагнетается къ ключу, какъ тотъ быстро отъ него убѣгаешь.

Бывають минуты, когда Курюко не въ силахъ перенести мученія. Онъ тихо стонетъ, и горючія слезы капаютъ изъ его глазъ. Эти слезы сбѣгаютъ въ долины и образуютъ цѣлительные ручьи, приносящіе большую пользу людямъ.

Одинокій страдалецъ вѣчно будетъ страдать за свой смѣлый подвигъ, и люди вѣчно будутъ благоденствовать.

Вотъ какіе люди, говорять старики-ингуши,— жили когда-то на свѣтѣ, и вотъ почему «нартскихъ людей все любятъ» <sup>1)</sup>.



<sup>1)</sup>) Ингушская пословица.

# МАГАЗИНЪ КНИГЪ И УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ



Н. Н. МОРЕВА

ПОДЪ ФИРМОЮ

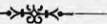
## Н. ФЕНУ и К°.

Телефонъ № 1323.

Телефонъ № 1323.

Комиссionera ИМПЕРАТОРСКАГО Русского Техническаго Общества, Учрежденій ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ, ВЫСОЧАЙШЕ учрежденной Комиссіи народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ, ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНИЙ и Министерства Народного Просвѣщенія по снабженію наглядными учебными пособіями и училищною мебелью.

С.-Петербургъ. Невскій пр., д. № 90 — 92.



### Отдѣлы магазина:

1) **Книжный.** (Всѣ издаваемыя въ Россїи книги по цѣнамъ, объявленнымъ издателями: изящная литература, научныя сочиненія, учебныя и дѣтскія книги, а также дешевыя изданія для школъ и народа).

2) **Наглядныхъ пособій.** (Картины, атласы, глобусы, коллекціи, таблицы, приборы по физикѣ и химіи, модели и проч.).

3) **Письменныхъ, чертежныхъ и рисовальныхъ принадлежностей.** (Бумага, дешевыя тетради, карандаши, перья и проч.; готовальни, краски и пр.).

4) **Классной мебели.** (Парные и одиночные столы, классныя доски и проч. отъ самыхъ дешевыхъ цѣнъ. Пріемъ заказовъ на классную мебель по умѣреннымъ цѣнамъ. Ремонтъ досокъ и проч.).

### Волшебные фонари и картины къ нимъ.

Фонари лучшихъ заграничныхъ фирмъ отъ 40 руб. до 200 руб.; имѣются и на болѣе дешевую цѣну.

Картины въ 3 дюйма на стеклѣ: черныя по 55 коп. и раскрашенныя по 1 руб. 25 коп. Имѣются также картины особо художественной раскраски по 2 руб.

Подробный каталогъ волшебныхъ фонарей, картинъ и принадлежностей для устройства чтеній высылается фирмой Н. Фену и К° по требованію бесплатно.

Принимается подписка на всѣ русскіе и иностранные журналы и газеты.